

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2008 г., № 3

© **С.В. Соколовский**. Рец. на: *Этнокультурный облик России: перепись 2002 г.* / Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: Наука, 2007. 516 с.

Рецензируемая книга представляет собой третий, завершающий том публикации результатов международного исследования Всероссийской переписи населения 2002 г. Если первые два тома (На пути к переписи / Ред. В.А. Тишков. М., 2003; Этнография переписи-2002 / Ред. Е.И. Филиппова, Д. Арель, К. Гусеф. М., 2003) были посвящены соответственно анализу предпереписной ситуации и проблемам организации и проведения переписи, то в третьем анализируются результаты переписи и изменения этнодемографического состава территорий в послепереписной период; главные представленные здесь темы – не только достоверность интерпретируемых переписных данных, но и факторы, лежащие в основе изменений этнодемографического и языкового состава населения России в региональном разрезе. Книгу можно было бы назвать точнее: "Этнодемографический состав регионов России по данным переписи 2002 г." Редакторы, видимо, применили этот маркетинговый ход, чтобы привлечь массового читателя. Издание, тем не менее, больше рассчитано на специалистов, да и его тираж – 800 экз. – говорит о том же.

Большим достоинством рецензируемой книги, выгодно отличающим ее от других публикаций с анализом изменений этнодемографического состава на региональном уровне, является масштабный территориальный охват: в ней рассматриваются результаты переписи и текущего учета населения в 40 субъектах Российской Федерации. Это стало возможным благодаря участию в проекте экспертов Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов – международной неправительственной организации, объединяющей исследователей из многих регионов России, а также ряда стран СНГ и Балтии. "Региональный акцент" предоставляет читателю широкие возможности для кроссрегиональных сравнений. Хотя сама книга, за исключением вводной главы, не содержит развернутых сопоставлений и компаративных оценок, однако в каждом из ее "региональных" разделов подчеркиваются особенности рассматриваемой территории и те проблемы, которые стали объектом внимания для местных специалистов, политиков и общества в целом; иными словами, кроссрегиональные сравнения присутствуют в этих разделах имплицитно, как фон, позволяющий видеть местную специфику.

Том состоит из введения, написанного одним из его редакторов – В.А. Тишковым, и 36 глав, большая часть которых посвящена рассмотрению динамики этнодемографического состава в конкретных субъектах РФ (30 статей). В четырех главах объектом анализа становится население более крупных регионов – Прикамья, Поволжья, Северного Кавказа и Дальневосточного федерального округа. Помимо этого книга содержит большую вводную главу "Этническое измерение России" (авторы – В.В. Степанов и В.А. Тишков) и главу, в которой анализируются проблемы статистического учета малочисленных народов Севера (З.П. Соколова и В.В. Степанов).

Оценивая результаты переписи в целом, авторы делают вывод, что при заметных демографических изменениях (убыль населения за счет демографического старения, его отток с северных и вообще периферийных территорий) существенных метаморфоз этнического состава населения страны выявлено не было (с. 17, 35), хотя в отдельных регионах эти изменения оказались значительными. К таким регионам относятся Чечня, Ингушетия, Тува, Якутия и Тюменская обл., Чукотский и Корякский округа, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария. Если ранжировать макрорегионы страны по масштабности изменений этни-

ческого состава, то наибольшие за период 1989–2002 гг. произошли в российской части Кавказа; с меньшей интенсивностью менялась ситуация на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири; незначительны перемены в Западной Сибири и на Европейском Севере; еще менее они заметны в Поволжье и на Урале и совсем малы – на Северо-Западе, в Москве и Центральном Черноземье; в Волго-Вятском регионе перемен практически нет (с. 36). В числе основных факторов, стоящих за изменениями этнического состава населения территорий и страны в целом, авторы выделяют дифференциальные рождаемость, смертность и миграцию, политику региональных властей и смену идентичности (процессы ассимиляции). При обсуждении последней темы они подчеркивают следующий методологический изъян отечественных переписей: отсутствие в них возможностей учета такого широко распространенного феномена, как двойное самосознание, особенно характерного для этнически неоднородных семей, к которым, согласно последней советской переписи, относилось около 30 млн человек.

Отдельным сюжетом, присутствующим во многих разделах книги и у многих ее авторов, стала достоверность результатов последней переписи. Первая постсоветская перепись в России сопровождалась действительно широкими общественными дебатами, в которых приняли участие журналисты, ученые, а также лидеры национальных и конфессиональных организаций и политики, представлявшие весь политический спектр российского общества. Принятый в законе о переписи принцип добровольности участия уже сам по себе вызывал опасения специалистов, что ее результаты станут непредставительными. Неопределенность порождалась и правовыми коллизиями относительно массового сбора информации конфиденциального характера (в том числе об источниках доходов, национальности, уровне образования, сроке пребывания в стране и т.п.), и самой методологией массового опроса с опорой на субъективные оценки, а не документы. Впоследствии обнаружили изъяны и в методике переписного опроса, в частности в противоречии между инструкцией, обязывающей задавать вопрос о родном языке, и отсутствием этого вопроса в переписных бланках. Авторы вводной статьи полагают, что переписью не учтено от 5 до 12% населения, главным образом мигрантов из стран СНГ, Китая и Вьетнама, а также жителей мегаполисов и обитателей загородных особняков (с. 19). Однако были и регионы, где людей насчитали с избытком (Ингушетия, Чечня, а также города, стремящиеся стать миллионными). Обильный материал для размышлений о достоверности результатов переписи читатель обнаружит в главах об этнодемографических переменах на Северном Кавказе, в Поволжье и Приуралье.

Либерализация организации и проведения переписи коснулась и переписного инструментария. В частности, впервые за всю историю российских переписей в результатах были отражены не только официальные названия этнических категорий, но и огромное разнообразие этнических самоназваний (этнонимов), которые люди называли переписчикам в ответ на вопрос о "национальной принадлежности". Эти сведения, особенно в региональном разрезе – интересный и пока практически не использованный ресурс для этнографов и специалистов по этнической ономастике.

Отдельным сюжетом для исследователей этнонимии является политика признания "новых" этнонимов в качестве официальных. В последней переписи в качестве самостоятельных категорий учета (а не вариантов официальных этнических наименований) появилось более 70 новых, в том числе аджарцы, андийцы, арчинцы, астраханские татары, ахвахцы, багулалы, бежтинцы, бесермяне, ботлихцы, водь, гинухцы, годоберинцы, горные марийцы, греки-урумы, гунизбцы, дидойцы, езиды, ингилойцы, казаки, кайтагцы, камчадалы, каратинцы, кереки, коми-ижемцы, крышены, кубачинцы, кумандинцы, лазы, латгальцы, лугово-восточные марийцы, мегрелы, мордва-мокша, мордва-эрзя, нагайбаки, осетины-дигорцы, осетины-иронцы, поморы, русины, сваны, сойоты, тазы, татары сибирские, теленгиты, телеуты, тиндалы, тубалары, тувинцы-тоджинцы, турки-месхетинцы, ульта (ороки), финны-ингерманландцы, хваршины, хемшилы, цыгане среднеазиатские, чамалалы, челканцы, чеченцы-аккинцы, чулымцы, шапсуги, эстонцы-сету и юги. В прежних советских переписях (исключая перепись 1926 г., где перечень национальностей был весьма подробен и включал значительную часть вышеперечисленных наименований)

узнать численность людей, входящих в эти категории учета, было невозможно, поскольку они при обработке результатов переписи включались в более крупные этнические категории.

В связи с политикой признания самостоятельности языков и народов авторы рецензируемой книги особое внимание уделяют попыткам местных властей в нескольких регионах приписать вновь выделенные переписью категории учета к более крупным "титულным народам". Так, этнографы отмечают значительные расхождения между известной им и зафиксированной переписью численностями носителей того или иного языка в Дагестане. Причем оказалось, что эти расхождения находятся в полной зависимости от политики районных администраций. Например, в Цумадинском и Ботлихском административных районах эти расхождения чрезвычайно велики, а в Цунтинском – малы. Хваршин, проживающих в Цумадинском р-не, оказалось почти в 20 раз меньше прогнозируемого числа, а бежтинцы, проживающие в соседнем административном районе, сумели отстоять свое право на самостоятельный учет. Влияние политического фактора на итоговую численность конкретных категорий этнического учета ярко показано на примере коллизий между научным и политическим подходами в Дагестане, Татарстане и Башкирии, Республике Алтай, а также при рассмотрении проблемы казачества. Эти разделы книги дают важные материалы для теоретического осмысления тех процессов, которые имеют прямое отношение к политике идентичности и часть которых в отечественной этнографической литературе рассматривалась прежде под рубриками "этногенеза" и "ассимиляции".

Если говорить о ценности рассматриваемой работы для теоретического анализа, то помимо сюжетов о взаимодействии идентичности и политики она содержит богатые материалы для анализа языковых сдвигов и осмысления первых результатов той языковой политики, старт которой был дан еще в период перестройки. Лингвисты обнаружат во многих региональных главах интересные материалы о "национально-русском" и "обоюдном" двуязычии и их правовой поддержке на уровне регионального законодательства. Связан с этой темой также сюжет, касающийся утраты в ряде регионов "титулными" и миноритарными языками своих позиций в пользу русского (языковая ассимиляция).

Можно продолжать перечень тем, способных заинтересовать представителей разных научных дисциплин и специализаций (в числе неупомянутых – этно- и мигрантофобии, проявившиеся в том числе и при обсуждении итогов переписи; процессы метисации и их восприятие "титулными элитами"; методологические проблемы изучения языковой ситуации в связи с категориями "родной язык"; связь языковой ориентации с уровнем образования и т.д.). Несомненно одно – книга представляет собой значительный вклад в статистические исследования этнических и языковых изменений в населении страны и в этом качестве может быть рекомендована самому широкому кругу профессиональных читателей – демографам, лингвистам, антропологам, политологам, а также управленцам, занятым в сферах статистического учета населения, языковой, этнокультурной политики и политике в сфере образования.

ЭО, 2008 г., № 3

© В.А. Липинская. Рец. на: *Ю.В. Аргудяева. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф. Русские Приамурья в исследованиях В.К. Арсеньева. Материалы и комментарии.* Владивосток: ДВО РАН, 2007. 272 с.

Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) широко известен в нашей стране благодаря его литературным произведениям, в которых раскрыты богатства природы Дальнего Востока (В джунглях Уссурийского края. М., 1949) и с симпатией представлены местные коренные жители (Дерсу Узала. М., 1949). Эти яркие и увлекательные повести появились благодаря многолетним научным исследованиям автора. Неумолимый путешественник, он предпринял с 1918 по 1926 г.